

НОВГОРОДСКОЕ ВЕЧЕ: СТАРЫЕ КОНЦЕПЦИИ И НОВЫЕ ДАННЫЕ

К сожалению, на Руси не сохранилось городских архивов, поэтому историки лишены возможности познакомиться с вечевыми протоколами, если таковые вообще составлялись. Тем не менее весьма важные сведения о новгородском внутривластном устройстве могут предоставить документы XIII—XV вв., связанные с деятельностью немецких купцов в Новгороде.

Иноземные торговые дворы — сначала Готский (названный так по о. Готланд в Балтийском море), потом Немецкий или Петров (по церкви Св. Петра, находившейся на нем) — возникли, очевидно, в XII в., еще до окончательного оформления Ганзейского союза немецких городов, которое относится только к XIV в. С этих пор немецкие купцы, для которых Новгород был важнейшим торговым партнером (из Новгорода импортировали ценнейшие пушнину, воск, мед), почти постоянно присутствовали там вплоть до падения новгородской независимости (двор Св. Петра был закрыт Иваном III в 1494 г., история Готского двора была более сложной). В лучшие годы в Новгороде могло одновременно находиться полторы сотни или даже больше немцев.

Пребывание немцев в Новгороде сопровождалось неизбежными конфликтами на почве торговых споров или просто ссорами бытового характера. Немецкие купцы в таких случаях вынуждены были обращаться к новгородским властям, судиться со своими обидчиками, а о ходе и результатах разбирательств — сообщать в ганзейские города, которые отвечали за новгородское направление торговли. Эти послания в дальнейшем обсуждались на съездах ганзейских городов, а решения тщательно протоколировались и записывались. В свою очередь, власти ганзейских городов для решения тех или иных вопросов часто писали новгородским властям или немецким купцам, там находившимся.

Эти документы, основная часть которых была опубликована еще в XIX — начале XX в. в ряде многотомных серий, вызывали интерес главным образом у специалистов по истории торговых связей. Между тем там содержится ценнейшая, уникальная информация о внутривластном устройстве Новгорода, которой уделялось до сих пор очень мало внимания.

Довольно активно ее использовал в XIX в. А. И. Никитский, но он имел возможность познакомиться только с частью документов. В советское время ряд очень важных статей на эту тему, в том числе о новгородском вече в первой четверти XV в. по данным ганзейских документов, написал

И. Э. Клейненберг. Были и некоторые другие ученые, которые эпизодически привлекали отдельные ганзейские документы. Остальные исследователи Новгорода, в том числе самые авторитетные, авторы глобальных концепций новгородского социально-политического строя, либо вообще их игнорировали, либо пользовались информацией о них из вторых рук, что приводило, как правило, к ошибкам и неверным интерпретациям.

Причина недостаточного внимания к ганзейским документам проста. Часть из них (самая древняя) написана на латыни, но подавляющее большинство — на средненижненемецком языке, на котором в XIV—XV вв. говорили на севере Германии. Историков, умевших читать на этом языке, тем более не повествовательные тексты, а специфическую торговую делопроизводственную документацию, всегда было мало, тем более в СССР, где, в отличие от классических гимназий Российской империи, преподавание иностранных языков стояло на весьма низком уровне.

Что же дают для изучения новгородского веча ганзейские документы? Дают они очень многое. Приведу конкретные примеры. Прежде всего, было ли новгородское вече политическим институтом, органом власти? Или, как пишет Ю. Гранберг, словом «вече» обозначалось просто собравшееся и активно действовавшее население? Или даже, как утверждает Э. Кинан, так называлась «буйствующая толпа»? В 1407 г. немецкие купцы сообщали в Ревель, что по интересующему их делу «они [русские]... составили грамоту на вече и скрепили печатями совместно». Другой документ, 1441 г., свидетельствует о том, что в вече участвовали посадник и тысяцкий — высшие должностные лица Новгородской республики. В документе 1406 г. говорится о том, что на вече было принято решение об отправке «великих послов» к орденским властям. Несомненно, собрание, на котором составляют официальные документы и скрепляют их печатями, принимают важнейшие политические решения, в котором участвуют высшие должностные лица, не может считаться лишь сходкой «активно действовавшего населения» и тем более «буйствующей толпой».

Другие документы ясно показывают, какое место занимало вече в ряду новгородских политических институтов.

В послании немецких купцов в Ревель от 28 мая 1409 г. рассказывается о новгородском посольстве в Швецию. Вернувшимися новгородскими послами был «дан ответ перед господами», однако окончательный отчет послы дали на вече: «...на общем вече на это был такой дан ответ...» «Господа» — это коллегиальный орган, состоявший из высших новгородских сановников, который обычно в историографии называется «совет господ». Именно «господа» предварительно обсуждали вопрос и «готовили» его для принятия решения на вече. Тем не менее не только формально, но и фактически вече было высшим по отношению к «господам» органом.

Такую же роль — высшей инстанции — вече играло и по отношению к отдельным должностным лицам. В декабре 1406 г. тысяцкий заявил

новгородским купцам, что по поводу их дела «он не будет говорить один от имени Великого Новгорода; на это должна быть воля Божья и Великого Новгорода». Формально вече здесь не упомянуто, но назван политический субъект, который принимает решения на вече, — «Великий Новгород», новгородцы. О том, что это именно так, есть множество свидетельств. Например, в том же 1406 г. по поводу очередного спорного вопроса немецкие купцы обратились к тысяцкому. Тот же заявил, что, прежде чем дать ответ, «он посоветуется с Великим Новгородом на общем вече».

Как сами немцы воспринимали политический строй Новгорода и положение в нем веча? Никакой исключительной специфики они в нем, судя по всему, не усматривали. Коллектив полноправных новгородцев они называли «de gemeynheit van Naugarden», «dat gemene van Groten Naugarden», то есть «общиной, общностью (Великого) Новгорода». Между прочим, совершенно аналогично (только по-французски) охарактеризовал Новгород бургундский рыцарь Жильбер де Ланнуа, побывавший там зимой 1413 г.: «вольный город и владение общины» (*ville franche et seignourie de commune*). Эти понятия — *gemene*, *gemeynheit*, *commune* — применялись и к политической организации западноевропейских городов того времени (Любек могли называть, например, «*eune gancze gemene edder eun commun*»).

Собрания новгородцев нередко вызывали, однако, у их немецких партнеров определенные опасения. Складывается впечатление, что по возможности они старались избегать прямого контакта с вечем. В то же время они отмечали и такие особенности новгородских вечевых собраний, как стихийность, непредсказуемость. В 1436 г. немцы жаловались тысяцкому на псковичей, которые захватили их на обратном пути из Новгорода вместе с их товаром. Посадник заявил, что он готов поставить «об этом в известность Новгород, чтобы Новгород посоветался бы об этом». Немцам такая перспектива не очень понравилась. Они предпочитали, чтобы новгородцы выделили четырех представителей, которые вместе с немцами уладили бы дело, «так как перед общиной это все же нельзя уладить». Основания для опасений у немцев были.

В 1331 г. разгорелся один из самых острых конфликтов между новгородцами и немецкими купцами за всю историю новгородо-немецких отношений. Все началось с бытового инцидента. Когда немцы, находившиеся на Готском дворе, отправили своих слуг на двор Св. Петра для варки пива, на обратном пути на них напали какие-то русские, в результате чего завязалась массовая драка, были раненые и один русский был убит. На следующее утро «русские созвали вече и принесли мертвого русского на это вече». Согласно посланию немцев в Ригу, «пришли все новгородцы все вместе, вооружившись, и с развернутыми знаменами на вече на княжеский двор». У немцев вечники потребовали выдачи «виновных» под угрозой того, что в противном случае все они (а не только виновные) будут убиты. Никакие апелляции к грамотам или крестному целованию не действовали;

новгородцы кричали немцам: «Вы все будете мертвы». Когда опасавшиеся расправы немцы заперли двор, «пришли русские с веча с оружием и знаменами, и рубили ограду и ворота». Над немцами нависла серьезная опасность, и спасло их только вмешательство некоего представителя князя, который в документе назван «судьей». Дело впоследствии удалось решить относительно мирно (в частности, помогли взятки, которые были даны немцами новгородским должностным лицам), но от веча ничего хорошего ждать им не приходилось. Это не было движением исключительно социальных низов, поскольку одной из целей новгородцев, осадивших двор, была месть за убитого двумя годами ранее в Дерпте боярина Ивана Сыпа, который был мужем сестры тогдашнего посадника Варфоломея Юрьевича — одного из видных членов знаменитого боярского клана Мишиничей-Онцифоровичей.

Новгородцы между тем не рассматривали свои действия как беззаконие. Они, как это следует из предъявленных впоследствии немцам обвинений, считали, что те совершили нечто, подобное известному по пространной редакции «Правды Русской» (XII в.) «разбою без всякой свады», то есть беспричинному убийству в разбое. За это преступление, согласно «Правде Русской», полагался «поток и разграбление» — архаическое наказание, представлявшее собой объявление преступника вне закона и предусматривавшее коллективную расправу с ним, а также уничтожение и разграбление его имущества. Именно этим, очевидно, и собирались заняться в 1331 г. новгородцы, ломавшие немецкий двор.

В ганзейских документах пока не удалось обнаружить прямых данных о социальном составе новгородского веча, но по косвенным данным примерный круг его участников реконструировать можно. Во-первых, не подтверждается гипотеза о «сидении» на вече. Есть прямое свидетельство ганзейского документа 1425 г. о том, что на вече новгородцы *стояли*. Это обстоятельство подрывает известный тезис В. Л. Янина об узком, чисто боярском составе веча. На вечевой площади, даже если принимать самые скромные оценки ее площади (ее точное местонахождение вообще неизвестно, археологам обнаружить ее до сих пор не удалось), могло разместиться никак не менее 3000 человек. Во-вторых, не подтверждается другая интерпретация В. Л. Янина — о том, что «300 золотых поясов», упомянутые в ганзейском документе 1331 г., — синоним вечников. В-третьих, новгородцами, громившими немецкий двор, хотя и руководили, по-видимому, бояре, ясно, что среди них были *не только* бояре. Когда новгородские власти (уже после вечевых собраний) вели переговоры с немцами, они заявили, что набег на немецкий двор устроил «безрассудный русский народ... без новгородского слова». В действительности все обстояло, как мы знаем, несколько иначе, но понятно, что новгородская верхушка, практически сплошь состоявшая из бояр, имела возможность дистанцироваться от погрома и перенести ответственность на более низкие в

социальном отношении группы новгородцев. Этот вывод хорошо сочетается с прямыми летописными свидетельствами участия в новгородском вече свободных горожан разного статуса, например, с упоминанием в статье Устюжского летописного свода под 1477/78 г. (по мнению современного исследователя, это «последняя запись последнего летописца Новгородской республики») о «брани» на вече между боярами и «чернью», причем представители «черни» выступали на вече, и их речи зафиксированы.

Значит ли это, что Новгород представлял собой нечто вроде большой крестьянской общины и, как думают сторонники «полисной» теории, там царило «народовластие»? Ганзейские источники говорят о совершенно другом. Бесспорные лидирующие позиции в новгородском обществе, в том числе и на вече, занимали бояре. В 1337 г. немецкие послы были приглашены на вече, «к мудрейшим». «Мудрейшими» в самой немецкой конторе в Новгороде назывались четыре опытных советника старосты, которые помогали ему в управлении и суде. Каких именно вечников могли так назвать немцы? Точно это неизвестно, но, вероятно, каких-то представителей новгородской элиты. Вероятнее всего, «мудрейшие» документа 1337 г. — то же или примерно то же, что «300 золотых поясов» документа 1331 г. Выше уже говорилось, что это были не *все* вечники, но что их высший, элитарный элемент — очень вероятно. Скорее же всего, это было общее наименование новгородской знати, боярства.

Известно, что у новгородских купцов были серебряные пояса, следовательно, золотые должны были считаться атрибутом лиц более высокого социального статуса (в Московском великом княжестве XIV—XV вв. золотые пояса передавали по наследству в княжеской семье). В Новгороде лицами такого — высшего — статуса были бояре. Значение боярства в Новгороде было настолько хорошо известно иностранным партнерам, что они в своих посланиях иногда обращались не к Великому Новгороду в целом, а только к боярам. Магистр Тевтонского ордена Хайнрих фон Плауэн обращался, например, к «уважаемому отцу (архиепископу. — П. Л.), и возлюбленным господам, и возлюбленным избранным друзьям, и всем боярам в Великом Новгороде».

С другой стороны, немецкие документы (впрочем, в полном соответствии с единодушными показаниями русских источников) не дают никаких оснований предполагать участие в новгородском вече сельского населения. Наоборот, те конкретные описания вечевых собраний, которые содержатся в ряде посланий немецких купцов, как представляется, полностью его исключают. В 1425 г. немецкие купцы жаловались, что в ходе одного из конфликтов новгородцы «целых пять дней каждый день проводили... одно вече или два... так что иногда стояли вплоть до послеобеденного времени, и прибегали на двор... если одни хотели нас сварить, то другие — поджарить». Если вечевые собрания проводились в течение пяти дней ежедневно, по утрам, и в течение этого времени могло

проводиться даже два собрания, ясно, что люди, сходящиеся на них, должны были жить недалеко от их обычного места проведения — Ярославова (княжеского) двора на Торговой стороне. Это самый центр Новгорода, и люди из сел, хотя бы и находившихся в непосредственной близости от города, просто не успевали бы прийти.

Данные же русских источников убеждают нас в том, что о селянах не просто забыли. Дело было в их социальном неполноправии по сравнению с горожанами. Согласно новгородской обработке Церковного устава Ярослава Мудрого (первая половина XV в.), компенсация за оскорбление горожанки была выше, чем за такое же оскорбление селянки, в несколько раз. В 1534 г., уже через несколько десятилетий после присоединения Новгорода к Русскому государству, распоряжавшиеся там московские дьяки Яков Шишкин и Фуник Курцов «повелѣша град ставити всѣмъ» и привлекли к этому делу горожан. Возмущенный летописец заметил: «...А доселе того не бывало при старых великих князех: ставили город доселе всѣми новгородскими волостями, а городовые люди нарядчики были».

Это означает, что раньше, когда Новгород был независим, повинности по возведению и ремонту городских укреплений были уделом только сельского, «волостного» населения, новгородцы же только руководили строительством. Так что «Господин Великий Новгород» не может считаться гражданской общиной полисного типа, он был значительно больше похож на средневековые городские республики, где город выступал в качестве коллективного сюзерена по отношению к подчиненной периферии.

Только что было употреблено слово «республика». Но сами новгородцы себя так не называли. Оправданно ли применение этого понятия к новгородской политической организации и если да, то с какого времени позволительно говорить о Новгородской республике?

Традиционный ответ на этот вопрос датирует начало новгородской независимости 1136 г. — изгнанием новгородцами князя Всеволода Мстиславича. Много поправок в традиционную схему было внесено работами В. Л. Янина, но принципиально и он не отрицает республиканского характера новгородской государственности и зарождения его еще в домонгольское время. В последнее время, однако, появилась тенденция ставить под вопрос независимость Новгорода и республиканские особенности его политического строя по сравнению с другими русскими землями, по крайней мере в раннее время. Сторонники таких взглядов пишут, например, что «летописцы зачастую старались умалить степень влияния князей на новгородские дела и представить горожан более самостоятельными, чем это было на самом деле».

Такого рода построения облегчаются тем обстоятельством, что для раннего времени у нас нет практически никаких источников, которые могли бы предоставить какие-то конкретные сведения о реальных механизмах внутриполитической жизни в Новгороде, за исключением тех же летописей.

Вот почему имеет смысл временно оставить в стороне летописи и посмотреть на самые ранние источники ненарративного характера.

Одним из таких источников вновь оказывается ганзейский документ, написанный, правда, не на средненижненемецком языке, а на латыни, и датированный 26 марта 1292 г. Это отчет представителей ганзейских городов об их миссии в Новгород в связи со спорами вокруг имущества, в захвате которого немцы обвиняли русскую сторону.

От имени новгородцев дал ответ староста Семен: «Новгородцы собрались и по очереди изложили ваши дела, и стало им ясно, что ваши жалобы не имеют никакой силы». Не ожидав такого ответа, немецкие послы обратились через переводчика уже непосредственно к посаднику и тысяцкому. Последний ответил еще резче, заявив: «Я бы хотел, чтобы вы вернулись домой». Возвращаясь, немецкие послы встретили людей князя, которые разъяснили им всю сложность ситуации. Оказывается, «они шесть раз были от имени князя у новгородцев и просили дать нам ответ, да и князь лично их молил, и князь очень страдал, что они не хотят отвечать, хотя они должны по праву на это ответить, так как дело зависит от тех, кто владеет имуществом».

Когда немецкие послы уже отъехали на 8 миль, их догнал один из княжеских людей и сказал: «Я должен сообщить секретную информацию от имени князя, которую я скажу без переводчика. Господин князь передает вам, что то, что вы возвратились из Новгорода без ответа, не его вина». Именно новгородцы не хотят отдать захваченное ими имущество, князь же верен крестному целованию с немцами и передает им следующее: «Если вы мужи, воздайте им самим то, что они вам сделали, и оплатите им тем же, насколько сможете».

В этом документе как бы запечатлелась реальная ткань социально-политических отношений в Новгороде XIII века и взаимоотношения между Новгородом и князем — не такие, какими они *должны* быть, а такие, какими они *были* в действительности.

Формально Новгород вроде бы подчиняется князю, фактически же все решения принимаются на собрании новгородцев. Князь же, с одной стороны, официально держит хорошую мину при плохой игре — он ведь сюзерен Новгорода, с другой — тайно дает понять немцам, что *de facto* его юрисдикция на Новгород не распространяется.

Новгородская специфика, республиканский строй, автономия Новгорода по отношению к князьям, даже его фактическая независимость — всё это не выдумки составителей нарративов, а вполне реальное положение дел. Конечно, на это может быть сказано, что эта ситуация могла сложиться поздно, а, например, в XII в. князья могли оказывать большее влияние на Новгород; кроме того, в 1292 г. Новгород мог выйти из-под контроля из-за ожесточенной борьбы между князьями Дмитрием и Андреем Александровичами, сыновьями Александра Невского, которая

разворачивалась тогда.

Однако уже в домонгольское время сложилось представление о Новгороде как об особой русской земле, где у князей нет той власти, которой они обладали повсюду. Так думали сами новгородцы, о чем свидетельствуют упоминания в новгородском и, что самое главное, не только в новгородском летописании, и они подтверждают, что новгородская «вольность», которая нашла отражение в документе 1292 г., начала складываться гораздо раньше.

Обращение к ганзейским документам, текстам, которые писались по сиюминутным поводам, а не на века, как летописи, и которые вследствие этого не имеют столь ярко выраженного идеологического наполнения, показывает прежде всего неадекватность априорного подхода к изучению политического строя Новгорода. Выясняется, что сторонники почти всех «больших» концепций новгородской государственности и новгородского веча в частности одновременно и правы, и не правы.

Новгородская «вольность» не является мифом, и летописные данные о ней домонгольского времени следует признать в целом достоверными, хотя, конечно, конкретные пути и направления ее развития, ее конкретное содержание в раннее время четко определить очень сложно. Вече действительно было высшим органом власти Новгородской республики, хотя при этом оно находилось в сложной системе взаимоотношений с другими политическими институтами, и в конкретной ситуации его наивысшие полномочия могли оказаться формальными, а важнейшие решения — быть принятыми в обход него. Вече было городским институтом, но в его деятельности проявлялись некоторые архаические политико-правовые традиции. Новгород не был демократическим полисом, единой гражданской общиной, а в вече участвовали только свободные горожане. По отношению к сельской периферии Новгород выступал в роли сюзерена, а сельское население было зависимо от него и в политическом отношении неполноправно. С другой стороны, называть Новгород *боярской* республикой также представляется не вполне верным. Бояре, несомненно, были высшей социальной группой, принимавшей наибольшее участие во власти, тем не менее власть не принадлежала им безраздельно. Определенный доступ к ней — прежде всего через вече — имели и другие группы свободных горожан.